

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕПЕРТУАР НЕМЕЦКИХ ПРАГМАТОНИМОВ

© 2005 О.И. Быкова

Воронежский государственный университет

Проблема языковой семантики приобретает новое осмысление в русле новой научной парадигмы, связанной с усилением антропо- и этноцентризма, развитием когнитивной лингвистики, изучением взаимодействия языкового и неязыкового знания в ментальных структурах сознания человека. “Формирующаяся в сознании человека система концептуальных связей и категоризация объективных сущностей основана на познании онтологии объектов, следовательно, на человеческих представлениях об их существенных свойствах (связанных в той или иной степени с этническими особенностями культуры и национального менталитета)” [10, 58]. Интерпретирующая этноментальная деятельность человека при познании объективных сущностей и отношений между ними, изменения в культурном пространстве народа оказывают влияние на развитие и специфику функционирования языковых структур. Антропологическая направленность современной лингвистики имеет когнитивный и культурологический аспекты, что и определяет её ключевое значение в перспективе дальнейших исследований языка как результата лингво-креативной деятельности сообщества говорящих индивидуумов в разных условиях существования и развития культуры.

Культурная семантика нацелена на изучение того, как осуществляется носителями языка референция языковых знаков к концептам культуры, и предполагает взаимодействие и взаимодополняемость двух подходов – когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического. Обусловленность вербализации когнитивных структур как маркеров понимания и этнической специфики мышления, производной от реального мира, “лингвокогнитивной и этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителей концептуальной системы” [17, 144], ставит нас перед необходимостью описания участия различных групп вторичных номинантов в категоризации сфер жизнедеятельности представителей конкретной лингвокультуры.

Исследование коннотативной семантики в плане культурной семантики, понимаемой как

система семантических следствий, культурных предпочтений носителей языка, необходимо для выяснения “коннотативного репертуара” той или иной лингвокультурной общности в реальных условиях общения [14].

В нашем определении этноконнотация – особый тип культурной коннотации, многомерная структура которой содержит этноконнотат (ЭК), вызывающий в сознании коммуниканта отнесённость языковой единицы к определённому культурному пространству. ЭК как макрокомпонент этноконнотации включает образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами культурно-исторического характера: территориальной отнесённости (локус), временной отнесённости (темпус); а также этноэмотив (ЭЭ), функционирующие в определенном социуме и сфере употребления культурного концепта, и отмеченные соответственно признаками социолект и функциолект.

По результатам анализа количественных характеристик вербализации концептов немецкой культуры установлено, что наибольшее количество сфер концептов репрезентировано этноконнотированными прагматонимами (25 сфер). Прагматонимы интерпретируются 7-ью кодами культуры: духовный, акциональный, флороморфный, предметный, цветовой, одорический, вещественный код. Ассоциативное переосмысление денотативного содержания при вторичном именовании прагматонимов обусловлено знаковой сущностью артефактов, обладающих этноспецифической символической значимостью и многоплановостью их семиотических функций

Под термином прагматонимы мы вслед за Н.В. Подольской [11, 110] понимаем условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда, точки питания.

Предметы домашней утвари, в частности посуда, инструменты и приспособления, отно-

сятся к реальным знакам внешнего мира (“реалемам”) с особым семиотическим статусом. Им принадлежит “первичное” символическое значение. Культурная (символическая) семантика слова, обозначающая реалию предметным (вещным) кодом культуры – “лишь отражение символического значения самого предмета” [15, 293]. Объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, обозначаемые предметным кодом, “несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие обозначающим их именам роль знаков “языка культуры” [4, 113]. Символические значения предметов “могут быть тождественными семантике вербальных элементов, а могут создавать с ними сложное синкретическое целое” [15, 291], что нашло практическое подтверждение во многих исследованиях [12, 16, 3 и др.].

От “символической нагруженности” предмета в реальном (“вещном”) коде традиционной модели мира, от многообразия и частоты его ритуальных применений с богатыми символическими смыслами или сакрализованностью зависит неслучайность (мотивированность) разнообразия номинаций [18, 299].

Из проведённого нами анализа этноконнотированных семем, актуализируемых во вторичной номинации прагматонимами группы “Предметы домашней утвари” следует, что они категоризируют следующие сферы:

1. Денежные единицы

На основании признака “форма” лексема **das Rad** в денотативной семеме Д1 ‘колесо’, при вторичном именовании в арго (*das Rotwelsch*) в 1716 г. [27, 577] К1 означает ‘der Taler, денежная единица, талер’ и восходит к идиш *rat* = *Taler* как сокращённая форма от *Reichstaler* или *Radergulden*, введённой в XVII в. в г. Майнце монеты с геральдическим изображением колеса, герба г. Майнца, (*mit dem Mainzer Rad, dem Mainzer Wappenbild*) [28, 647]. ЭК маркирован признаками-спецификаторами темпус (1700 г.) и функциолект (арго).

Лексема **der Lappen** в Д1 [‘minderwertiges], kleineres Stück Stoff, Leder oder Ähnliches, небольшой, не имеющий ценности кусок материи или кожи, тряпка’, во вторичной номинации репрезентирует этноконнотированную семему К1 ‘der Geldschein [mit größerem Wert], денежная купюра [большой стоимости]: *für die paar Lappen* [‘за несколько монет’] [22, 857]. Актуализируемые в именных атрибутивных фразеосочетаниях с компонентом **Lappen**: 1) **blauer Lappen**, дословно ‘синяя тряпка’, в К1 ‘der Hundertmarkschein, денежная купюра дос-

тоинством в 100 марок’. Основанием для образной составляющей служит, с одной стороны, признак “цвет”, синяя грунтовая краска купюры, с другой стороны, недостаточная прочность (бумаги): “*die ersten Ausgaben wurden im Verkehr bald unansehnlich und lappig wie Lumpen*” [28, 483]. После того как в 1910 г. в денежное обращение были пущены купюры из более плотной бумаги, старое обозначение купюры сохранилось. ЭК маркирован признаками-спецификаторами темпус (до 1910 г.) и функциолект (фамильярно-разг.); 2) **brauner Lappen**, дословно ‘коричневая тряпка’, в К1 ‘der Tausendmarkschein, купюра в 1000 марок’. Внутренняя форма ЭК детерминирована признаком “цвет”: до 1919 г. коричневый цвет был распространённым цветом денежных купюр Германии. ЭК отмечен признаками-спецификаторами темпус (до 1919 г.) и функциолект (фамильярно-разг.).

Лексема **die Kohle** в Д1 означает ‘der Brennstoff, der im Lauf langer Zeiträume aus Holz oder an deren pflanzlichen Stoffen unter Luftabschluß entstanden ist’ [31, 761]: *Kohlen feuern, mit Kohlen heizen* [22, 857], ‘горючее, топливо, которое на протяжении долгого времени образовывалось из дерева или других растительных веществ без доступа воздуха’. Первоначально слово обозначало ‘die im Haushalt hergestellte Holzkohle, древесный уголь, производимый в домашнем хозяйстве’, и засвидетельствовано у всех германцев, кроме готов: герм.* *kula(n)* (*Holzkohle*), древневерхненем. *kolo*, англ. *coal*, шведск. *kol*, датск. *kul* [27, 388]. Уголь считался таким же необходимым продуктом как продукты питания и другие материальные блага. В XVIII в. было зафиксировано выражение: “*Der Schornstein muß rauchen*” [28, 442] означающее, что без денег, пищи и т. д. нельзя прожить, и то, что угли значат для печи, значат для человека деньги. Тот, кто испытывает недостаток в угле, живёт в бедности. Уголь первоначально как невербальный предметный код культуры, выполнял роль знака-заместителя денег, так как предметы, используемые в качестве денег, всегда связаны с уровнем развития общества и его культурой [9, 132]. Во вторичной номинации (в К1) **die Kohle** на основании признака “жизненно необходимый” означает ‘das Geld, деньги’: *die Kohlen verdienen müssen; er hat genug Kohlen* [22, 857]. Образная составляющая ЭК интерпретируется когнитивной структурой стереотипа обыденного сознания носителей языка, ассоциативно связанного с представлением об угле как жизненно необходимом предмете. ЭК отмечен признаком-спецификатором функциолект (фамильярно-разг.).

2. Местность (географическое положение)

Лексема *der Pott* в Д1 ‘*der Topf, topfartiges Gefäß (norddeutsch), горшок (северогерм.)*’ восходит к заимствованию из вульгарной латыни *potus = das Trinkgefäß* (‘сосуд для питья’). Во вторичной номинации лексема репрезентирована этноконнотированной семемой К1 ‘*der Pott, das Ruhrgebiet, verkürzt aus Ruhrpott, Рурская область*’ [28, 751], сокращённая форма с усечённым первым компонентом **Ruhr-**. Основой образной составляющей является признак “форма”: ‘*geschwollen, вздутый, разросшийся*’ от глагола *schwellen = ‘groß werden, sich ausweiten, sich ausdehnen, разрастаться, расширяться*’. В данном случае употребления вторичной номинанты *der Pott* для обозначения местности, географического положения, предметный код тесно взаимодействует с пространственным кодом культуры. ЭК маркирован признаком-спецификатором темпус (1920 г.).

В русской культуре горшок – “один из наиболее ритуализованных предметов домашней утвари, связан с символикой печи, очага и земли, осмысливается как вместилище души и духов” [13, 526]. Важнейшим принципом осмысления горшка и посуды в целом является антропоморфизм: *ломаный горшок – брошенная жена* (Каргополь).

3. Социальные отношения (отказ в ч.-л.)

Традиционно сложившиеся связи предметной символики с социальными отношениями внутри лингвокультурной общности подтверждает наличие тесного взаимодействия между предметным и духовным кодом культуры. Лексема *der Korb* как производящая денотативная семема Д1 ‘*корзина*’ порождает этноконнотацию на основании ритуальной символики обычаев наказания, в которых использовалась корзина. Как атрибут многих ритуалов немецкой культуры корзина приобретала различные символические значения. В ритуале искупления грехов (*Sühnenritus*) использовалась “корзина позора” (*der Schandkorb*): воры и пекари, недобросовестно пекущие хлеб, должны были прыгать через корзину. Большое распространение получила символика наказания (*im Straferemoniell*): у древних германцев существовал обычай использовать корзину как подъёмник (*die Aufziehvorrichtung*) для проникновения возлюбленного в крепость, где находилась любимая. Для публичного осмеяния любовника могли оставить висющим в воздухе. В Оберпфальце на доме брошенных невест укреплялась корзина с соломенным человечком (*ein Korb mit einem Strohmann*). Но особую значимость корзина приобрела как символика отказа (*Abweisungsymbolik*) в брачном союзе: на доме

жениха, которому было отказано в женитьбе, рисовали корзину [26, Bd.V, 241-243]. С рыцарских времён миннезингеров существовал обычай: в знак отказа неуголному любовнику спускать корзину с тонким дном, а в XVII- XVIII вв. нежеланному жениху посылали корзину без дна. “*In mittelalterlichen Geschichten wird erzählt, daß der Liebhaber in einem Korb zum Gemach der Geliebten emporgezogen wird; lehnt sie ihn ab, wählt sie einen Korb mit dünnem oder loseem Boden, so daß der Freier durch den Korb fällt*” [28, 451]. Так на основании существовавшего символического обычая отказа лексема *der Korb* во вторичной номинации реализовала К1, ‘*der Korb, ablehnende Antwort auf ein Angebot, einen [Heirats]antrag: einen Korb bekommen; als er sie zum Tanzen aufforderte, holte er sich einen Korb; die F.D.P. gab der C.D.U. einen Korb* [22, 884], отказ (в предложении выйти замуж), отказ на к.-л. предложение’.

4. Явления природы (удар грома)

Лексема *der Hammer* в Д1 означает ‘*das Werkzeug zum Schllagen oder Klopfen aus einem je nach dem Verwendungszweck eckigen [und nach vorn spitz zulaufenden] oder einem abgerundeten [Metall]klotz und einem darin eigepassten kurzen, meist hölzernen Stiel* [22, 657], инструмент для забивания, заколачивания, состоящий из (в зависимости от назначения) угловатой [кверху заострённой] или округлённой металлической колоды и прудетой в неё, чаще деревянной ручкой, молот’. На основании мифологических представлений древних германцев о молоте по имени *Miölnir* как атрибуте бога-громовика *Tora* фразеосочетание *Thors Hammer*, ‘молот *Tora*’, во вторичной номинации в К1 означает ‘*der Gewitterschlag, удар грома*’. Согласно нордической мифологии в битве с великаном *Hrungnir* (*der Gewitterriese Hrungnir*) победил вооружённый молотом *Tora* [26, Bd.III, 1370].

5. Фантастические существа (духи)

Производная от лексем *der Hammer* форма *das Hämmerlein* с уменьшительным суффиксом *lein-* в качестве словообразовательной интерпретанты представлена коннотативной семемой К1 ‘*der Teufel, Klopffeist, böser Kobold, чёрт, полтергейст, злой кобольд (дух)*’ [22, 658]: *Meister Hämmerlein*. В основе образной составляющей лежит признак “действие”: ‘*klopfen, schlagen, стучать*’. ЭК маркирован признаком-спецификатором темпус (устаревшее), а ЭЭ – отрицательной оценкой.

6. Физическое состояние человека

На основании признака “действие” ударять фразеосочетание *Meister Hämmerlein* (2) актуализирует этнокультурный смысл в К1 *der Tod*,

смерть: **Meister Hämmerlein** (1) [26, Bd. III, 1371].

7. Профессия человека

Фразеосочетание **Meister Hämmerlein** (3) во вторичной номинации на основании признака “ударять” означает в К1 ‘der Scharfrichter [22, 658], der Henker [31, 605], палач’. ЭК содержит признак-спецификатор темпус (устаревшее).

8. Внешность человека (тип причёски)

Композита **die Hindenburgbürste** в Д1 дословно ‘щётка Гинденбурга’ во вторичной номинации в К1 означает ‘der Bürstenhaarschnitt, стрижка ёжиком’: “*Bekannt als typische Frisur von Generalfeldmarschall und Reichspräsident Paul von Hindenburg und Beneckendorf (1847-1934)*” [28, 347]. Образная составляющая детерминирована: 1) признаком “форма”, так как причёска напоминает щётку или ёршик (для мытья посуды) (*die Bürste*); 2) представлением носителей языка о стереотипе причёски генерала-фельдмаршала и президента рейха Пауля фон Гинденбурга и Бенекендорфа. ЭК содержит признак-спецификатор темпус (1920г), а ЭЭ маркирован признаком ‘шутливо’.

9. Неудача, несчастье

Лексема **das Pech** в Д1 ‘zähflüssig- klebrige, braune bis schwarze Masse, die als Rückstand bei der Destillation von Erdöl und Teer anfällt [22, 1130]: etw. mit Pech abdichten, bestreichen, вязкая, липкая, коричневого цвета масса, выпадающая в осадок при перегонке нефти или смолы’, восходит к заимствованию из латинского *pix, picis*. Древневерхненемецкое *pēh* приобрело под влиянием церкви сакральный смысл *die Hölle = Pechhöhle = höllisches Pech = ‘Strafmittel, ад, наказание’* [27, 536]. По суеверным представлениям, засвидетельствованным в сказках, смола капает с деревьев на злого человека: “*In Märchen fällt Pech von den Bäumen auf den Bösen herab. So wird auch das Pech zur Bezeichnung für Unglück: Pech haben, Pechvogel*” [26, Bd.VI, 1466]. С XV в. **das Pech** на основании признака ‘zähflüssig, вязкий’ употребляется в переносном значении (в К1) ‘*das Mißgeschick, Unglück, unglückliche Fügung, неудача, несчастье, злой рок*’: *das war wirklich Pech!; so ein Pech!; Pech gehabt!* (ugs.: *Feststellung eines Dritten, der jmds. Missgeschick mit Hohn oder ohne große Anteilnahme quittiert*); *dein Pech* (ugs.: *da bist du selbst schuld, wenn du nicht aufpasst; Pech für dich* (ugs.: *nichts zu machen*), *er hat Pech gehabt beim Examen, im Spiel (hat das Examen nicht bestanden, hat verloren)*); mit jmdn., etw. *Pech haben (nicht den Richtigen, das Richtige getroffen haben), von/vom Pech verfolgt sein* [22, 1130]. Интерпретация внутренней формы ЭК вторичной номинанты связана с обычаем использования смолы для

ловли птиц: “*Hergenommen vom Vogel, der am Vogelpoch des Vogelstellers hängenbleibt*” [28, 597]. Коннотативное значение **das Pech** = *das Unglück* отражено в немецких пословицах: *Wer Pech auffaßt, besudelt sich; Wer Pech hat, bricht sich den Finger in der Nase (Gassenhumor) (oder) im Hirsebrei* [25, 187].

10. Время (период жизни, жизненная полоса, связанная с неудачами)

В составе атрибутивных композит компонент **Pech-** функционирует как определительное слово (*das Bestimmungswort*), детерминирующий этнокультурную маркированность языковых знаков символического характера на основании признака вязкий, липкий. Композита **die Pechsträhne** в Д1 дословно ‘смоляная полоса, прядь’, во вторичной номинации репрезентирует коннотативную семему К1 ‘*kurze Zeit, in der einem nichts gelingt, in der man dauernd Pech hat; Reihe von unglücklichen Zufällen* [30, 976]; *Aufeinanderfolge von Unglücksfällen, von Mißgeschick oder Mißerfolgen* [28, 597], *полоса невезения*’, на основании признаков “время” ‘dauernd, продолжительное’; и ‘Pech haben, иметь неудачу’. В данном случае эмоциональный концепт “несчастье” тесно взаимодействует с концептом из сферы “время”.

11. Содержимое сосуда

Лексема **die Molle** (norrdt) в Д1 ‘*die Mulde, der Bactrog (großes, ovales oder rechteckiges Gefäß aus Holz oder Stein)* [31, 899, 1299], корыто, лохань (большой овальный или прямоугольный сосуд из дерева или камня)’ (северогерм.) во вторичной номинации означает в К1 (1) ‘*ein Glas Bier, пивная кружка, кружка пива*’: *eine Molle [und einen Klaren] trinken*. Признак “размер”: ‘groß, большой’ является основанием для метонимического переноса наименования: обозначение сосуда ⇒ содержимое сосуда. ЭК содержит признак-спецификатор локус (Берлин).

12. Точки питания (питейное заведение, пивная)

Лексема **die Pinte** в Д1 первоначально означала ‘*das Flüssigkeitsmaß, die Kanne* [27, 551], пинта (высокая каменная кружка, каменный кувшин), мера жидкости с рисунком-эмблемой в виде дуба (*das Eichzeichen, die Eichmarke*)’, от латинского *pingere*, ‘рисовать’. Позднее пивная кружка или кувшин изображались на рекламном щите (*das Wirtschaftszeichen*) питейного заведения. С XIX в. в юго-западной части Германии и Швейцарии **die Pinte** во вторичной номинации в К1 означает ‘*das Lokal zweifelhaften Rufes, трактир, пивная с сомнительной репутацией*’. Основанием образной составляющей ЭК является знак индексального типа, функцию которого выполнял рекламный рисунок с изображением

пивной кружки, мерного сосуда. ЭК отмечен признаками-спецификаторами темпус (с XIX в.), локус (юго-западная Германия, Швейцария), социолект студентов [28, 614]. Отрицательная оценка эксплицирована признаком ‘zweifelhaften Rufes, с сомнительной репутацией’.

13. Предмет мебели

На основании признака “большой размер” лексема **die Molle**, в Д1 ‘корыто, лохань’ реализует этноконнотированную семему К1 (2) **die Molle** = ‘das Bett, кровать, постель’, ЭК отмечен признаком-спецификатором локус (Верхняя Саксония).

14. Строение (архитектурное сооружение, памятник)

В составе композит компонент с семантикой “предметы домашней утвари” как основное слово в атрибутивных сложных словах с необычными дескрипторами – определительными словами актуализирует этноконнотированные семемы. Композита **die Hungerharke** в Д1 дословно ‘голодные грабли’, во вторичной номинации (в К1) ‘das Luftbrückendenkmal in Berlin Tempelhof, памятник воздушным мостам в берлинском аэропорту Темпельгоф, напоминающий об обеспечении Западного Берлина жизненно необходимыми продуктами, доставляемыми по воздуху в период блокады 1948/1949гг.’: “*Das Denkmal gemahnt an die Versorgung Westberlins mit allen lebenswichtigen Gütern durch die Luft während der sowjetischen Landblockade 1948/1949*” [28, 369]. В основе образной составляющей лежит признак “форма”, памятник имеет сходство с граблями: “*Formähnlich mit der von Zugtieren gezogenen Harke (= Rechen), mit der auf dem abgeernteten Kornfeld das liegegebliebene Getreide zusammengekehrt wird*” [28, 369]. ЭК содержит характерологический признак “уникат”. Памятное сооружение действительно уникальное явление немецкого архитектурного искусства. Внутренняя форма ЭК шифруется предметным (вещным) и духовным кодами культуры.

Прагматонимы с производящей денотативной семемой “предметы мебели” во вторичной номинации актуализируют этноконнотированные семемы, категоризирующие сферы:

1. Местность (географические реалии)

Образную составляющую парафрастических обозначений топонимов репрезентируют названия мебели на основании признака “функция”: **der Panzerschrank der BRD**, ‘сейф промышленности ФРГ’, а также **der Schreibtisch des Ruhrgebietes**, ‘письменный стол Рурской области, г. Дюссельдорф, крупнейший промышлен-

ный и банковский центр ФРГ (земля Северный Рейн-Вестфалия)’ [8, 165].

2. Строение

Наименования мебели могут быть использованы в обиходном дискурсе во вторичной номинации для обозначения строения: **die Kommode**, ‘комод’, в Д1 ‘kastenförmiges Möbelstück mit mehreren Schubladen [22, 865], секционная мебель с множеством выдвижных ящиков’, на основании признака “форма” означает в К1 ‘wegen der Fassadenform üblicher Name der ehemaligen Königlichen Bibliothek am August-Bebel-Platz [32, 89]; бывшая Королевская библиотека в Берлине, разрушенная во 2-ой мировой войне, ныне восстановленная в старом виде, переданная Берлинскому университету [8, 121]’. Основанием для метафорического использования концепта **die Kommode** в сфере “здания” служит также наличие семы ‘mit mehreren Schubladen, с множеством выдвижных ящиков’, т.е. обозначаемое таким образом здание предназначено для хранения ч.-л., например, книг. При вторичной номинации логическая связь Д1 и К1 сохранена. Образная составляющая ЭК шифруется предметным и духовным кодами культуры. ЭК маркирован признаком-спецификатором локус (Берлин) и признаком ЭЭ шутливо.

Проблема культурной идентичности интегрирует культуру питания как форму проявления этнической культуры. Лингвистические исследования этого стандарта немецкой культуры проводятся в русле изучения проблем межкультурной коммуникации и их прикладной значимости [32, 507]. Коннотативный потенциал вторичных номинант прагматонимов группы “продукты питания” как знаков культуры, кодирующих образную составляющую производных концептов, остаётся мало исследованным.

Анализ этноконнотированных семем, актуализируемых во вторичной номинации прагматонимами данной группы, показал, что они категоризируют концепты следующих сфер:

1. Манера поведения, характер человека

Лексема **die Nudel** в денотативном значении Д1 ‘die Teigware von verschiedenartiger, meist bandförmiger Form, die vor dem Verzehr gekocht wird [22, 1087], продукт из теста, различной формы, чаще в форме лент, который варят перед употреблением, лапша’, во вторичной номинации актуализирует: 1) К1 ‘unterhaltsamer Mensch, lustiger Bursche (Betriebsnudel) [31, 945], занимательный (интересный) человек, весельчак’; 2) К1 ‘eine [weibliche] Person, die sehr allgemein durch etw. charakterisiert ist als aktiv, betriebsam, geschäftig, человек [женщина], который/ая обобщённо характеризуется как активный/ая, старательный/ая, деятельный/ая’, в атрибутив-

ных композитах с компонентом **-nudel** на основании признака массовости однородных, не очень вкусных объектов и признака, предсказуемого: 1) первым компонентом существительным: в атрибутивных композитах: *die Betriebsnudel, Gesangsnudel, Kulturnudel* [22, 1087]; ЭК маркирован признаком-спецификатором функциолект (разг.); 2) в именных атрибутивных фразеосочетаниях типа: А + S, где А – качественное прилагательное (дескриптор), а S – существительное **die Nudel**, в К1 ‘die weibliche Person, die der Sprecher [wohlwollend oder spöttisch] in einer bestimmten Verhaltensweise o. Ä. charakterisiert [22, 1087], женщина, которую говорящий по манере поведения характеризует [доброжелательно или насмешливо]’: *eine ulkige Nudel*, ‘забавная, странная, женщина’. ЭК содержит амбивалентную оценку, коррелирующую с признаками ‘доброжелательно’ или ‘насмешливо’.

2. Внешность человека

Вторичная номинанта прагматоним **die Nudel** порождает этноконнотацию в составе атрибутивной композиты **die Ulknudel** и именных атрибутивных фразеосочетаниях **eine dicke Nudel, eine putzige Nudel**, ‘толстая женщина, внешний вид которой вызывает смех’.

Die Schrippe в Д1 ‘das Weißbrötchen, länglich breites, an der Oberfläche eingekerbtes Brötchen, белая булочка, продолговатая, широкая (с насечкой по всей поверхности), с XVIII в. типично берлинское название сорта булочки’; восходит к нижненемецкой, устаревшей форме *schripfen* = ‘kratzen, aufreißen’, родственной *schrappen* = ‘kratzen, царапать, разрывать’, так как шов по всей длине булочки напоминает насечку на надорванной коре дерева: “benannt nach der oben aufgerissenen Rinde” [27, 680]. Производная коннотативная семема К1 актуализируется в именованном атрибутивном фразеосочетании **blonde Schrippe**, ‘die Dame gesetzten Alters mit hellgefärbtem Haar, пожилая дама со светлоокрашенными волосами’, на основании наличия общей семы ‘weiß, hell, белый, светлый’. ЭК содержит признаки-спецификаторы локус (Берлин) и темпус (1930 г.) [28, 742].

3. Местность (географические реалии)

В составе композит **der Weißwurstäquator, der Weißwursthorizont, die Weißwurstmetropole** первый атрибутивный компонент **Wurst-** (‘колбаса’), предсказывающий основное слово, на основании традиций потребления продукта в определенной местности актуализирует во вторичной номинации этнокультурный смысл. ‘Die Weißwurst в Д1 die aus passiertem Kalbfleisch und Kräutern hergestellte Brühwurst von weißlicher Farbe, варёная колбаса беловатого цвета, приго-

товленная из протёртой телятины с приправами’, традиционно считается любимым кушаньем в местностях по реке Майн. Поэтому во вторичной номинации в результате метонимического переноса наименования композита **der Weißwurstäquator** в Д1 дословно ‘экватор варёной телячьей колбасы’, репрезентирует культурный концепт из сферы “пространство (географическое положение)”, вербализованный двумя этноконнотированными семемами: 1) К1 ‘Mainlinie (gedachte Linie, die mitten durch Bayern verläuft) [28, 914], линия Майна, (условная линия, разделяющая Баварию на северную и южную часть)’; 2) К1 ‘die Donau (auf ihrem Lauf durch Bayern) [28, 914], река Дунай, протекающая через Баварию’. ЭК вербализованных концептов культуры маркирован признаками-спецификаторами локус (Бавария) и темпус (1920 г.).

Композита **der Weißwursthorizont = Weißwurstland** в Д1 буквально ‘горизонт (страна) варёной телячьей колбасы’, в коннотативной семеме К1 ‘die Freistaat Bayern, вольное государство Бавария (федеративная земля)’, содержит в ЭК признак-спецификатор темпус (с 1960 г.).

Die Weißwurstmetropole, в Д1 ‘центр варёной телячьей колбасы’, в К1 служит перифразой для обозначения ‘столицы Баварии, Мюнхена’ и содержит в ЭК признак темпус (с 1955 г.).

4. Обычай

Das Würstesammeln в Д1 дословно *собирание колбас*, на основании традиций народа в коннотативной семеме К1 означает ‘традиционный обычай сельских ряженых в праздник по случаю убоя свиней (das Schlachtfest) ходить с призывными песнями по домам и собирать дары колбас’: «die Burschen gehen meist verummt unter Absingen von Heischliedern von Haus zu Haus und betteln um Würste “Würstle raus, Würstle raus, S’isch e brave Frau im Haus!”» [26, Bd.IX, 866].

5. Высказывание, речь (длинная, бесполезная)

Лексема **der Senf**, в Д1 ‘aus gemahlene Senfkörnern mit Essig und Gewürzen hergestellte, gelbbraune, breiige, würzig bis scharf schmeckende Masse [22, 1391], горчица, приготовленная из молотых зерен горчицы с уксусом и пряностями, светло-коричневая, кашеобразная, пряная и острая масса’, во вторичной номинации представлена коннотативной семемой К1 ‘unnützes, langes Gerede [31, 1173], бесполезная, длинная речь, пустое высказывание’. В основе образной составляющей лежит сема ‘тягучий (mehr oder weniger gelängte Senfbrühe)’ [28, 715], логически

связывающая Д1 и К1. ЭК маркирован признаком темпус (1700 г.).

Многозначная лексема *der Schmarren* в Д1(1) ‘in der Pfanne gebackene süße Mehlspeise, дешёвое мучное блюдо, напоминающее омлет и выпекаемое на сковороде’ [6, 311] на основании признака “незначительный” во вторичной номинации репрезентирована коннотативной семемой К1(1) ‘unsinnige Äußerung, Unsinn’: *red keinen solchen Schmarren!* [22, 1336]; ‘dummes Zeug [30, 1130], глупое высказывание глупость’. ЭК маркирован признаком-спецификатором локус (Бавария, Австрия) и функциолект (разг.).

6. Социальное положение (значимость человека в обществе)

Одно из наиболее распространённых в немецкой культуре наименований еды *das Würstchen* в Д1 ‘сосиска, колбаска’, в К1 означает ‘völlig unbedeutender Mensch’: *er ist ein Würstchen* [22, 1761], ‘ничтожный, без особого признания и значимости человек’. В немецком языковом сознании сосиска, популярная еда, выступает во вторичной номинации как заданный предметным кодом эталон культуры, что находит отражение в пословице: “*Darnach der Mann geraten, wird ihm die Wurst gebraten*” [25, 262]. Наличие семы ‘klein, небольшой размер’ в обеих семемах определяет логическую связь Д1 и К1. ЭК содержит признак-спецификатор функциолект (разг.) и отрицательную оценку в ЭЭ.

7. Принадлежность человека к этнической группе, национальности

Этнокультурная стереотипизация: простой автостереотип [29; 4, 356], (что сами немцы думают о себе) проявляется в результате метонимического переноса наименования продукта питания на человека, потребляющего данный продукт при актуализации лексемы *das Sauerkraut*, в Д1 ‘кислая (квашеная) капуста’, в коннотативной семеме К1 ‘немец’, на основании стереотипного представления, возникшего в конце XIX в., о склонности немцев к потреблению квашеной капусты. Для иллюстрации приведём шуточные выражения, зафиксированные в словаре Кюппера: “*Der Deutsche nichts besser kaut als Bratwurst und Sauerkraut*” oder “*will man keine Prügel han, muß man dem Deutschen Knödel und Sauerkraut lan*” [28, 696]. ЭК отмечен признаком-спецификатором темпус (XIX в.).

8. Состояние части тела человека

Многозначная лексема *der Limburger* в Д1 (1) ‘stark riechender, pikanter Weichkäse mit etwas schmieriger, rötlich gelber Oberfläche, лимбургский сыр, с сильным запахом, пикантный, со слегка солевой красновато-жёлтой поверхно-

стью’, во вторичной номинации репрезентированная этноконнотированной семемой К1 (1) *die Limburger* = (P1) ‘Schweißfüße, дурно пахнущие потливые ноги’, употреблялась в жаргоне солдат с 1870 г. Внутренняя форма ЭК интерпретируется чувственно-наглядным представлением носителей языка, связанным с ощущением запаха традиционно пахнущего свежего лимбургского сыра: “*Anspielung auf den durchdringenden Geruch des reifen Limburger Käses*” [28, 498]. Семы ‘der Geruch, запах’ и ‘durchdringend, сильный, пронизывающий’ детерминируют метафорический перенос наименования. Образная составляющая ЭК шифруется одорическим кодом культуры.

9. Дело, занятие (забота)

Лексема в *das Bier* в Д1 ‘aus Hopfen, Malz, Hefe und Wasser durch Gärung gewonnenes, alkoholisches Getränk [31, 271], пиво, алкогольный напиток, приготовленный посредством брожения из хмеля, солода, дрожжей и воды’, этимологически является заимствованным из вульгарной латыни (VI-VII вв.) *bibere* = ‘trinken, пить’, *biber* = ‘der Trunk, питьё’; но в XVI в. независимо от латинского *biber* из ранненововерхненемецкого слово *bier* получило распространение в романских языках: в итальянском *birra*, во французском *bière* [27, 75]. Пивоварение считалось традиционным занятием германцев первоначально в монастырях и связано с возделыванием хмеля (der Hopfenbau) в монастырях северной Галлии (Nordgallien). Во вторичной номинации лексема *das Bier* функционирует как компонент фразеологического выражения: *das ist [nicht] mein Bier* = ‘das ist [nicht] meine Angelegenheit, [nicht] mein Geschäft, это [не] моё дело, это меня [не] касается’, где функционирует как семантический эквивалент ‘die Angelegenheit, das Geschäft, дело, занятие’.

10. Неприличная шутка, скабрёзность

Лексема *der Limburger* имеет во вторичной номинации ещё один вектор ассоциации на основании признака “запах (неприятный)” и актуализирует коннотативную семему К1 (2) ‘der obszöne Witz, die Zote, неприличная шутка, сальность, скабрёзность’; ЭК маркирован признаком-спецификатором темпус (1910г.).

11. Сентиментальность (сентиментальная песня)

Композита *die Schmalznudel* в Д1 ‘лапша с салом’, при вторичном именовании на основании признака “избыточная калорийность продукта” актуализирует К1 ‘ein rührseliges Lied, сентиментальная (трогательная) песня’, где переосмысленный первый компонент *der Schmalz*, означает: 1) ‘(übertrieben empfundenen) Gefühl, Sentimentalität [22, 1335], преувеличенное (утри-

рованное) чувство, сентиментальность»; 2) ‘sehr sentimentales Lied, очень сентиментальная песня’, служит интенсификатором эмоциональной отрицательной оценки в ЭЭ. ЭК отмечен признаком-спецификатором темпус (1920 г.) [28, 724].

12. Качество

Лексема *der Schmarren* в Д1 ‘in der Pfanne gebackene süße Mehlspeise, дешёвое мучное блюдо, напоминающее омлет и выпекаемое на сковородке’ [6, 311], на основании признака “дешёвый”, “незначительный” во вторичной номинации репрезентирована коннотативной семемой K1 ‘etw., was bedeutungslos, minderwertig, ohne künstlerische Qualität ist: diesen Schmarren lese ich nicht, schaue ich mir nicht an [22, 1336], leichtes heiteres, wenig geistreiches, etwas kitschiges Bühnenstück oder ebensolcher Film [31, 1130], что-либо незначительное, низкого качества (книга, фильм и т.д.)’.

Знаковая сущность одежды как артефакта, выполняющего семиотическую функцию [19], являющегося индикатором культурных процессов [23] и обладающего этноспецифической символической значимостью [21, 20], свидетельствует о многоплановости её функций. Одежда служит способом объективации системы представлений и ценностей этноса (во внешнем облике одежды, её многоплановых статусных проявлениях как показатель локальной принадлежности, пола, возраста, положения в иерархической структуре общества). Особый интерес к лингвистическому исследованию феномена “одежда”, как отмечают М.М. Копыленко и З.М. Отаров, объясняется свойством её динамичности [7, 24]. Проблеме языковой категоризации в сфере одежды в английском языке посвящены работы Г.Г. Бондарчук, исследование которой позволило выделить различные категориальные признаки, отражающие виды деятельности, связанные с одеждой [1]; способность обозначений одежды “иметь специфические прагматические интерпретанты” [2, 189], указывающие на концептуальные характеристики, которые связаны с использованием данного предмета одежды в семиотической функции, как знака принадлежности носящего его человека к той или иной категории людей (различающихся по полу, возрасту, профессии и т.д.).

Мы полагаем, что семиотические функции предметов одежды заслуживают внимания и в плане актуализации их коннотативного потенциала как способа категоризации других сфер концептосферы лингвокультурной общности.

Из приведённого анализа этноконнотаций, порождаемых в процессе вторичной номинации

прагматонимов группы “одежда”, следует, что они принимают участие в категоризации следующих сфер:

1. Защита, защитный покров, покрывало

Лексема *der Mantel* в Д1 ‘das Übergewand zum Schutz gegen Regen, Kälte oder Schmutz [30, 862], верхняя одежда для защиты от дождя, холода или грязи’ (*Arbeits-, Regen-, Wintermantel*) на основании мифического представления древних германцев и актуализации категориального признака “функция” (для защиты) во вторичной номинации в результате метафоризации реализует коннотативную семему K1 ‘schützende oder verbergende Umhüllung, Bedeckung, Decke [31, 862], защищающее или скрывающее от ч.-л. покрытие, покров, одеяло’. Основанием для актуализации образной составляющей является сема ‘zum Schutz, для защиты’. В мифопоэтическом представлении германцев бог Один покрывает землю небесно-голубым покрывалом: “*Odin umfaßt im himmelblauen Mantel die Erde. Meist ist der Mantel Wodans als Wolkenmantel zu deuten*” [26, Bd.V, 1578]; в библейском сравнении *der Mantel der Nacht = der Sternhimmel* [26, Bd. V, 1579]. Образная составляющая ЭК шифруется предметным (предмет одежды человека) и духовным кодами культуры

2. Профессия человека

Основным способом метонимического переноса наименования чаще является синекдоха: обозначение человека по виду одежды, которую он носит на основании признака “цвет” (одежды, униформы).

В количественном отношении наиболее представлены в данной группе прагматонимов вторичные номинанты сложных субстантивных лексических единиц. Среди них коннотативная многозначность обнаружена нами в композите *das Rotkäppchen* в Д1 ‘головной убор красного цвета, красная шапочка’, вызывающая при восприятии этого имени ассоциации с именем персонажа фольклорной сказки и сигнализирующая ироничное отношение носителей языка к новым именованиям как знакам культуры, которые указывают на принадлежность, носящих этот вид головного убора, к профессии: 1) K1 ‘der Fahrdienstleiter, Stationsvorsteher’: “*Er trägt eine rote Dienstmütze*”, ‘проводник поезда, дежурный по вокзалу’. ЭК маркирован признаком-спецификатором темпус (1900г); 2) K1 ‘französischer Soldat, французский солдат’, так как во время правления Наполеона III. во французской армии были введены лёгкие красные головные уборы (1870г); 3) K1 ‘Lufthansa-Damen für die Betreuung hilfsbedürftiger Fahrgäste, стюардессы авиакомпания Люфтганза, обслуживающие авиапассажиров’. ЭК содержит при-

знак-спецификатор вербализованного концепта культуры темпус (1971г.) [28, 674].

Композита *die Blaujacke*, в Д1 ‘синяя куртка’, актуализирует К1 ‘der Matrose [31, 279], матрос, моряк’. При вторичной номинации происходит выделение семы ‘синий’, маркирующей типичный цвет одежды моряков.

Der Blaustrumpf, ‘синий чулок’, во вторичной номинации ставшее историзмом значение в К1 ‘der Polizeidiener, Lakai, полицейский прислужник (слуга), лакей’, развилось на основании признака “цвет” (одежды), так как представители этих профессий традиционно носили чулки синего цвета: “*Weil an manchen Orten die Polizeidiener und Lakaien blaue Strümpfe tragen, entstand der Spotname Blaustrumpf*” [26, Bd.VIII, 545]. ЭЭ содержит признак ‘насмешливо’.

Источником возникновения этноконнотации прагматонимов группы “точки питания”, по нашим наблюдениям, является код маргинальной культуры этноса, субкультуры (Randkulturen) [24, 1995].

Анализ этноконнотированных семем прагматонимов группы “точки питания” показал, что они категоризируют сферу “питейные заведения”, номинируемые в коде к.-л. маргинальной культуры этноса, на основании признаков “размер” (небольшой), “репутация”, “назначение”. Лексема *das Beisel* первоначально обозначала в Д1 в идиш *bajos* = ‘das Haus, die Gaststätte, дом, трактир’ ⇐ *hebr. baijit* = ‘das Haus, дом’. В южно-немецких говорах и австрийском варианте немецкого языка *das Beisel (Beisl)* означает ‘ein kleines, unansehnliches Gasthaus, “verrufene Schenke”’ [30, 72]; *die Kneipe* [31, 246]; *einfaches Gasthaus* [22, 228], небольшая закусочная’ [6, 49]. ЭК маркирован признаком-спецификатором вербализованного концепта локус (южная Германия и Австрия) и функциолект (разг.). Отрицательная оценка в ЭЭ эксплицирована признаками ‘unansehnlich, неприглядный; verrufen, пользующийся дурной репутацией’.

Das Tschecherl, ‘kleines Cafe [22, 156], Kaffeehaus [30, 73] небольшое кафе для распития спиртных напитков’, через посредство употребляемого в воровском аргоне (*das Rotwelsch, die Gaunersprache*) *schächer* восходит к глаголу *schachar* (*hebr.*) = ‘berauschen, опьянять’. Об этом может свидетельствовать и встречаемое в Вене обратное образование (*die Rückbildung*) *das Tschoch* (ср. нем. *zehen*, ‘кутить, пить’). ЭК отмечен признаками-спецификаторами локус (Австрия) и функциолект (разг.). ЭЭ содержит отрицательную оценку.

Производная лексема *die Destille* в Д1 ‘дистилляция, перегонка’, краткая форма от латинского *distillation* в берлинском обиходном гово-

ре в К1 при метонимическом переносе наименования процесса на место, где он совершается, означает ‘*kleinere Gastwirtschaft, in der vorwiegend Branntwein ausgeschenkt wird* [22, 335]; *das Bierlokal* [33, 41], небольшое кафе, пивная, где преимущественно предлагается водка’. ЭК отмечен признаками-спецификаторами локус (Берлин), темпус (устаревающее) и функциолект (разг.).

Образная составляющая ЭК данной группы прагматонимов выражена акциональным и духовным (субкодом маргинальной культуры) кодами культуры

Изученный нами коннотативный репертуар немецких прагматонимов позволяет сделать вывод о том, что только описанные нами пять групп прагматонимов во вторичной номинации порождают этноконнотации. Из них по параметру продуктивности актуализации этноконнотированных номинантов наибольшую продуктивность при категоризации различных сфер культурных немецких концептов обнаружили прагматонимы групп “предметы домашней утвари” (14 сфер) и “продукты питания” (12 сфер), т.е. номинанты, связанные с важнейшими, необходимыми денотатами жизнедеятельности народа.

Рецензент – И.А. Меркулова

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарчук Г.Г. Проблемы языковой категоризации (лингвистический анализ названий одежды за последние 50 лет)/Г.Г. Бондарчук//Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр./Отв. ред. Л.А. Манерко. – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. – С. 51-56.
2. Бондарчук Г.Г. Наименования одежды и их семиотические функции / Г.Г. Бондарчук // С любовью к языку: Сб. науч. тр.. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002 – С. 188-196.
3. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях / Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения. – М., 1993. – С. 298-308.
4. Кашкин В.Б. Этноним в повседневной философии языка / В.Б. Кашкин // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. тр. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 355-363.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК Гнозис, 2002. – 284 с.

6. Муравлёва Н.В. Австрия. Лингвострановедческий словарь / Н.В. Муравлёва. – М.: Метатекст, 1997. – 415 с.
7. Копыленко М.М. Основы этнолингвистики / М.М. Копыленко. – Алматы: Евразия, 1995. – 178 с.
8. Куликов Г.И., Мартиневский В.И., Ладисов А.И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Г.И. Куликова. – Минск: Высш. шк., 2001. – 294 с.
9. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
10. Петрухина Е.В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового значения / Е.В. Петрухина // Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А.В. Бондарко. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С.56-66.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
12. Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В. К функциям посуды в восточнороманском фольклоре / Т.Н. Свешникова, Т.В. Цивьян // Этническая история восточных романцев (древние и средние века). – М., 1979. – С. 147-190.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.1. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 704 с.
14. Сорокин Ю.А. Вербальное и невербальное поведение с этнопсихологической точки зрения / Ю.А. Сорокин // Языки и культура. – М.: Наука, 1987. – С.84-110.
15. Толстой Н.И. Язык и культура / Н.И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
16. Топорков А.Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья / А.Л. Топорков // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в. – М., 1990, вып. 2. – С.67-135.
17. Фесенко Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека / Т.А. Фесенко // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитив. лингвистике, 11-14 сент. 2000г. / Отв. ред. Н.Н.Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др.: В 2 ч. Ч.2. – Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 2000. – С.149-151.
18. Юдин А.В. Антропонимические заместительные номинации в восточнославянских загадках: подвижные предметы быта / А.В. Юдин // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. – Т. II. – М.: Изд-во Индрик, 1998. – С.298-308.
19. Barthes, R., Die Sprache der Mode / R. Barthes. – Frankfurt am Main, 1985
20. Böth, G., Kleidungsforschung / G. Böth // Grundriß der Volkskunde: Einführung in die Forschungsfelder der europäischen Ethnologie / hrsg. von R.W. Brednich. – Berlin: Reimer, 1988. – S. 153-169.
21. Burckhardt-Seebass, Chr., Trachten als Embleme. Materialien zum Umgang mit Zeichen / Chr. Burckhardt Seebass // Zeitschrift für Volkskunde. – (77) 1981. – S. 209-226.
22. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3 völlig neu bearb. und erweiter. Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
23. Gerndt, H., Kultur als Forschungsfeld. Über volkstümliches Denken und Arbeiten / H. Gerndt. – 2. erweiter. Aufl. – München: Münchener Vereinigung für Volkskunde, 1986. – 176 S.
24. Girtler, R., Randkulturen: Theorie der Unanständigkeit / R. Girtler. – Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1995. – S. 279.
25. Graf, A. E., 6000 deutsche und russische Sprichwörter / Graf A.E. – Halle/Saale:VEB Max Niemeyer Verlag, 1960. – 294 S.
26. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / hrsg. von Hans Bächtold-Stäubli unter Mitw. von Eduard Hoffmann-Krayer. – Bd. I-X. – Berlin, New York: de Gruyter. – 3. unveränd. Aufl. – 2000.
27. Kluge, F., Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – 21. unveränd. Aufl. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1975. – 915 S.
28. Küpper, H., PONS-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – 1. Aufl., 5. Nachdr. – Stuttgart, Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993. – 959 S.
29. Lippmann, W., Public opinion / W. Lippmann. – New York: Harcourt, Brace, 1922. – p. 81-95.
30. Storfer, A.J., Wörter und ihre Schicksale / A.J. Storfer. – Berlin: Vorwerk 8, 2000. – 384 S.
31. Wahrig, G., Deutsches Wörterbuch. / G. Wahrig. – München: Mosaik-Verlag GmbH, 1986. – 1493 S.
32. Wierlacher, A., Verfehlte Alternität. Zum Diskurs deutschsprachiger Reiseführer über fremde Speisen / A. Wierlacher // Essen und kulturelle Identität: europäische Perspektiven / hrsg. von H. J. Teuteberg. – Berlin: Akademie-Verlag GmbH, 1997. – S. 498-509.

33. Wiese, J., Berliner Wörter und Wendungen
/ J. Wiese. – Berlin: Akademie-Verlag Berlin. –
1987. – 160 S.